

УДК 94(47).08

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭТИКА В ЖИЗНИ СМОЛЕНСКОЙ ДЕРЕВНИ**Кривченков Глеб Валентинович,**Смоленский государственный университет
аспирант 2 курса исторического факультета
г. Смоленск
E-mail: krivcen123@gmail.com**Аннотация**

В работе рассматривается влияние крестьянской этики на повседневную жизнь смоленских крестьян. Основное внимание уделено роли общины и православной церкви в формировании крестьянских представлений о христианском благочестии, нравственности и морали, семейных отношениях, ставших ключевыми элементами крестьянского менталитета.

Ключевые слова: крестьянская этика, община, волостной суд, православие, семья.

PEASANT ETHICS IN THE LIFE OF THE SMOLENSK VILLAGE**Gleb V. Krivchenkov,**Smolensk State University
2nd year postgraduate student of the Faculty of History
Smolensk
E-mail: krivcen123@gmail.com**ABSTRACT**

The paper examines the influence of peasant ethics on the daily life of Smolensk peasants. The main attention is paid to the role of the community and the Orthodox Church in the formation of peasant ideas about Christian piety, morality and morality, family relations, which have become key elements of the peasant mentality.

Keywords: peasant ethics, community, volost court, Orthodoxy, family.

В крестьянской общине второй половины XIX – начала XX века большое значение имели, сложившиеся в течении столетий, представления о нравственности и морали, действовавшие как негласные законы сельского общества. Непростые условия жизни, связанные с натуральным хозяйством, коротким сельскохозяйственным летом, способствовали формированию крестьянской этики как особой системы взаимоотношений крестьян. Изучение крестьянской этики необходимо для реконструкции социального портрета русского крестьянина второй половины XIX века, представителя самого большого сословия Российской Империи, участвовавшего в производстве материальных благ и оказывавшего влияние на политическую и социально-экономическую жизнь государства.

Для изучения крестьянской этики обратимся к повседневной жизни крестьян Смоленской губернии, как наиболее типичной для нечерноземного центра России, где несмотря на возрастающее отходничество и переход сельского хозяйства на интенсивный путь развития, сохранялся традиционный уклад жизни крестьян.

Крестьянская этика, воздействуя на нормы обычного права, влияла на отправление правосудия в сельском обществе. Волостные суды, созданные после отмены крепостного права, стали частью крестьянской общины, развивали правосознание крестьян.

В практики волостных судов Сычевского уезда Смоленской губернии большое количество решений было связано с вопросами крестьянской этики. Уголовными проступками считалось неуважение к старшим, отказ в помощи по дому, что свидетельствовало православным представлением о семье как малой домашней церкви. По решению Торбеевского волостного суда 1892 года крестьянина деревни Попляскина Василия Михая за нанесение обид действием теще Аксинье Корнеевой приговорили к аресту при волостном правлении на 7 дней. Крестьянина Кузьму Иванова за оскорбление своей матери Натальи Акимовой Зубакинский волостной суд наказал еще строже – 20 дневным арестом [1, с. 64].

Решения волостных судов Сычевского уезда являются воплощением на практике принципов крестьянской этики, которая определяла нормы обычного, неписанного права. Община сохраняла собственные консервативные представления о семье не под дамокловым мечом государственного закона, насаждаемого сверху, а исходя из внутренних потребностей христианского благочестия. Закон для крестьянина должен быть обязательно справедливым, защищать слабых, поддерживать мир в общине, что выражалось в судебной практике волостных судов.

Кража в крестьянской общине преследовалась по закону. Волостные суды обязательно должны были сообщать земским начальникам о судимости за кражи, внося каждого в алфавитный указатель и особые справочные листы [1, с. 67]. Такая деятельность является примером тщательного учета местной администрацией и судом лиц, совершивших подобные преступления.

Правопорядок в деревни поддерживался не только силой закона и контролем со стороны местной администрации. Публицист и помещик А.Н. Энгельгардт отмечал неподдельную честность крестьянского мужика: "Послушать, что говорят разные газетные корреспонденты, так, кажется и хозяйничать невозможно. Мужик и пьяница, и вор, и мошенник, условий не исполняет, долгов не отдает, с работ уходит, взяв задаток, ленив, дурно работает, портит хозяйственный инструмент и пр., и пр. Ничего этого нет; по крайней мере, вот уже три года как хозяйничаю, а ничего подобного не видал. Я, конечно, не стану доказывать, что мужик представляет идеал честности, но не нахожу, чтобы он был хуже нас, образованных людей" [4, с. 95].

По мысли А.Н. Энгельгардта, крестьяне, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, неграмотность и невежественность были высоко нравственными людьми, понимавшими

разницу между добром и злом, нравственностью и безнравственностью, законностью и беззаконием. Это было связано с укоренившимися в крестьянском менталитете идеалами православия, которые передавались из поколения в поколение.

Если крестьянин воровал то по причине неурожая, пьянства и лени. К вору, который ограбил богатого, относились снисходительнее чем к вору ограбившему бедняка. Обман жителя города в отличие от односельчанина был обычным делом. Крестьянин мог добавить известковой воды в молоко, смещать свежие яйца с тухлыми, "город яма, все прижрет" — часто говорили они [3, с. 13].

В отношении обмана крестьянская этика была несколько двойственна. Обман односельчан не приветствовался, а обман жителя города считался нормой. Крестьяне воспринимали город как нечто далекое и чужое в отличие от родной общины, где каждый был на виду. Такое мышление сформировалось из-за частого обмана самих крестьян торговцами, продававшими некачественный товар или помещиком. Крестьянская этика не считала "легкий" обман большим преступлением, грешнее было не подать милостыню или отказать нуждающемуся в помощи, что вполне соотносилось с общинным мировоззрением русской деревни.

Непростые условия жизни привели к распространению в крестьянстве такого обычая как помочь. Помочь — приглашение знакомых людей на помощь для выполнения срочных работах, которые оказывались не под силу крестьянской семье в одиночку [2, с. 41]. Помочь заключались в распашке земли, жатве, трепанье льна, конопля, строительстве избы и других хозяйственных работах. Помочь могла начаться с приглашения господаря, главы крестьянского семейства или решения общины, которая была готова поддержать крестьянина в трудную минуту.

Одна из помочей, отличавшаяся большой массовостью называлась навозница. Навозница — вывоз навоза, обычно в июне на поле, которое оставляли под пар. В Бельском уезде навоз вывозили поочередными помочами, толокой, охватывавшей всю деревню. На навознице была праздничная атмосфера, лошади были в самой лучшей сбруи с бубенцами. Между парнями и девушками, управлявшими лошадьми, проводились состязания в скорости, после возвращения с навозного поля с пустой телегой. "Так что это время, — по замечанию наблюдателя, — напоминает масленицу" [2, с. 45].

Наличие в крестьянских отношениях помочи является примером единства крестьянской общины. Каждый крестьянин воспринимал себя не в духе индивидуализма, обособлено от общины, а считал себя ее частью. Проблемы общины были личными проблемами крестьян. Это восприятие сложилось в силу непростых условий жизни, выраженных в господстве натурального хозяйства с коротким сельскохозяйственным летом. По одиночке выжать было невозможно и только через общину, крестьяне решали свои острые хозяйственные проблемы. Взаимовыручка или помочь неотъемлемая составляющая крестьянской этики.

Крестьянская этика, как явление связанное с православием, включало обязательное подаяние милостыни. Человек милосердный, готовый помочь другому, считался благочестивым, пользовался большим уважением крестьян. По мысли корреспондента этнографического бюро князя В.Н. Тенишева А. Титова из деревни Издешкого Вяземского уезда: зажиточность не являлась основанием для уважения в крестьянской среде. Крестьянин вполне обеспеченный, но страдающей скупостью не уважаем своими односельчанами [2, с. 53].

Подавали милостыню крестьяне больше хлебом. За день опытный нищий способен был собрать до пяти пудов хлеба, продавал излишки по 35 копеек за пуд. Продажа хлеба позволяла ему пойти в трактир и угощаться чаем и водкой. Некоторые крестьяне

становились нищими только на время в связи пьянством. В народе их называли "коты" и "котихи". Летом они работали в деревне у родственников, осенью, когда работы не было, начинали скитаться или "котовать" [3, с. 14].

Превращение выпивки в обязательный ритуал в случае встречи или товарищества, по мнению корреспондентов этнографического бюро, являлось главной причиной пьянства, однако даже самые последние пьяницы переставали пить в Великий пост и ждали наступления Пасхи [3, с. 14]. Это наблюдение свидетельствует о влиянии православия на жизнь деревни. Устойчивые бытовые традиции, перераставшие у некоторых крестьян в алкогольную зависимость, уходили в сторону под влиянием религиозных представлений о благочестивой жизни. Далеко не все крестьяне точно следовали всем церковным предписаниям. В конце XIX века к не соблюдению постов относились гораздо снисходительнее, но религиозная составляющая в крестьянской этике продолжала оставаться значительной.

Крестьяне регулярно посещали церковь, чаще зимой, когда были свободны от хозяйственных работ. Все корреспонденты Тенишевского бюро, сходились во мнении, что крестьяне в церкви ведут себя чинно, степенно и благообразно. "Не было случая, чтобы кто-то пришел в церковь не трезвым", — писали из деревни Рыбаково Смоленской губернии [2, с. 67]. Крестьяне соблюдали пост, особенно Великий и Успенский. Во время поста старались не есть еду рано. Молодые женщины, за исключением беременных, воздерживались от приема пищи до самого обеда. Мужики Великим и Успенским постом не пили водку [2, с. 68].

Таким образом, для крестьян была особенно важной внешней сторона церковной жизни, заключавшейся в соблюдении постов и посещении храма. Господствовавшая неграмотность не позволяла крестьянам познакомиться со святоотеческим учением, глубже понять православную веру. Духовность заключалась в тщательном соблюдении церковных предписаний.

Крестьянская этика, как сложное культурное явление, формировалась в течение столетий, уходя своими корнями в глубокую древность, когда объединение крестьян в общину было единственным способом их выживания. Заметное влияние на крестьянскую этику оказала замкнутость сельского общества, связанная с долгим существованием крепостного права. По этой причине, крестьянин не мыслил себя без общины. Проблемы общины были личными проблемами крестьян. Православная церковь призывала к таким христианским добродетелям как милосердие и взаимопомощь, что восприняли крестьяне, несмотря на низкий уровень грамотности, мешавшей глубокому пониманию православия. Крестьянская этика регулировала личные взаимоотношения крестьян, формировала представления о нравственности и морали, ставшие основой крестьянского менталитета.

Список литературы.

1. Горская Н.И. Волостные суды конца XIX — начала XX в. (по материалам Сычевского уезда Смоленской губернии) / Н.И. Горская // Вопросы истории. — 2017. — №5. — С. 59-73.
2. Громько М.М. Мир русской деревни / М.М. Громько. — М.: Мол. гвардия, 1991. — 499 с.
3. Фирсов Б.М. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этнографического исследования) / Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева // Социологические исследования. — 1992. — №4. — С. 3-14.
4. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887 / А.Н. Энгельгардт; изд. подгот. А.В. Тихонова. — СПб: Наука, 1999. — 714 с.

References.

1. Gorskaja N.I. Volostnye sudy konca XIX – nachala XX v. (po materialam Sychevskogo uezda Smolenskoj gubernii) / N.I. Gorskaja // Voprosy istorii. – 2017. – №5. – S. 59-73.
2. Gromyko M.M. Mir russkoj derevni /M.M. Gromyko. – M.: Mol. gvardija,1991. – 499 s.
3. Firsov B.M. Struktury povsednevnoj zhizni russkih krest'jan konca XIX veka (opyt jetnograficheskogo issledovanija) / B.M. Firsov, I.G.Kiseleva //Sociologicheskie issledovanija. – 1992. – №4. – S. 3-14.
4. Jengel'gardt A.N. Iz derevni. 12 pisem. 1872-1887/ A.N. Jengel'gardt; izd. podgot. A.V. Tihonova. – SPb: Nauka, 1999. – 714 s.